

Н. В. Никифорова

**Технологические новинки при императорском дворе:
электричество в практиках репрезентации власти**

К концу XIX в. огромный потенциал электричества был очевиден многим. Однако электрификация российских городских пространств, как и дворцов, развивалась постепенно, если не сказать с осторожностью. Внедрение электричества в придворное пространство требовало публичной демонстрации и одобрения. Электрическое освещение долгое время являлось демаркационной линией, разделяющей приватные и публичные пространства. Восприятие обществом новой технологии определялось культурным и интеллектуальным уровнем публики и было окутано положительными и отрицательными эмоциональными обертонами. Использование электричества при дворе также можно интерпретировать как способ репрезентации императорской власти.

Статья описывает культурную историю электричества при дворе – внедрение технологии, роль электричества в церемониях и придворных развлечениях. История электричества в России XIX в. вписана в широкий исторический контекст. Использование электрического освещения в коронационных торжествах представлено как продолжение традиций фейерверков XVIII в., а также как вариант публичной демонстрации научного опыта-зрелища. Представлены сложные взаимосвязи истории технологии, истории потребления и придворной культуры.

Ключевые слова: культурная история электричества, электрическое возвышенное, технологическое возвышенное, репрезентация императорской власти, церемония коронации, театр науки.

N. V. Nikiforova

**Technological Novelties at the Imperial Court:
Electricity in Practices of Power Representation**

By the late nineteenth century, the huge potential of electricity was clear to many people. Though, the electrification of Russian urban spaces and royal palaces was developed gradually and required public exposure and approval. Electrical illumination marked a line between public and private spaces of the palace. The cultural response to the introduction of the electric power was cloaked in positive and negative emotive overtones. In addition, the use of electricity may be interpreted as a representation of the Emperor's power. The article aims at presenting cultural history of electricity tracing the advent of the electric light to court residences, and the role that the electric light played in court holidays, ceremonies, and entertainments. The history of electricity in the nineteenth century in Russia was inscribed in the wide temporal and spatial context. A comprehensive study of the interactions between the history of technology, history of consumption and court culture were presented.

Keywords: cultural history of electricity, electric sublime, technological sublime, representation of the imperial power, a coronation ceremony, a scientific spectacle.

Электрический свет произвел поразительный эффект на публику во время торжеств по случаю коронации Николая II. Сигналом для начала иллюминации Кремля послужило поднесение государыне императрице букета живых роз со спрятанными в нем лампочками накаливания, которые были соединены с цепью электрических проводов, ведущих к колокольне Ивана Великого. В коронационном альбоме отмечено: «Лишь только она взяла его в руки, он весь засветился

электрическим светом, и в тот же самый момент, словно по мановению жезла, зарделись разноцветными огнями вершины кремлевских башен и колокольня Ивана Великого, а затем загорелись огни по всем древним кремлевским стенам... Да, Кремль представлял нечто действительно волшебное, поразительное, сказочное! Вздымающиеся в воздухе электрические линии кремлевских твердынь производили особенное неотразимое впечатление на зрителей... Электрические

солнца бросали целые снопы света на огромные расстояния... Понадобилось около 190 000 электрических лампочек и газовых рожков и разного рода свечных фонариков» [5, с. 144–145].

Это событие указывает на возрастающую политическую, культурную и социальную значимость электричества в России XIX в. Однако электрификацию российских городов, как и императорских дворцов, развивали постепенно, если не сказать с осторожностью. Первые случаи использования электричества в императорском жилище были не простым действием во благо комфорта, а скорее, сложным публичным мероприятием, предполагающим определенный демонстрационный церемониал и публичное одобрение новшества. В настоящей статье речь пойдет о появлении электрического света в императорских резиденциях и о той роли, которую играло электричество в придворных праздниках. Электрическое освещение не просто иллюминировало дворцовые пространства, но превратилось в полноценное действующее лицо придворных церемоний. Восприятие электричества оказывается окутано аффективными обертонами как положительного, так и отрицательного свойства, что объясняется отчасти неосведомленностью, а порой невежественностью. Кроме того, использование электричества может быть интерпретировано как способ репрезентации императорской власти.

Впервые на придворных праздниках электрическое освещение было использовано для иллюминации коронационных торжеств по случаю восшествия на престол Александра II в 1856 г. На площади в Анненгофской роще, против Лёфторфского дворца, было зажжено 10 электрических «солнц Шпаковского», питавшихся от батареи из 600 элементов Бунзена. Успех этой установки был громадным [1]. В коронационном альбоме значится: «...во время иллюминации исторический арсенал, Чудов монастырь и Сенат красовались солнцами, звездами, вензелями из букв “А”, “М” с Императорскою короноюверху. Посреди этого пламени на Иване Великом блистала колоссальная корона, сиявшая огневыми сапфирами, изумрудами и рубинами, окруженная эффектными колосьями, унизанными как бы звездами... Иллюминация собора Василия Блаженного искусно была согласована с оригинальностью его архитектуры, очертания куполов казались какими-то воздушными огненными арками» [5, с. 123–124].

В 1883 г. к коронации Александра III с помощью ламп, изобретенных П. Н. Яблочковым, были иллюминированы Кремль и колокольня Ивана Великого [2, с. 176]. В этом году научно-популярный журнал «Электричество», существующий с 1881 г., писал: «Колокольня Ивана Великого вместе с Успенской частью и Филаретовской пристройкой была увешана по всей высоте 3 500 электрическими лампочками Эдисона. По ограде Кремля со стороны реки были размещены 8 больших и 30 малых “солнц”» [12]. Как было отмечено в коронационном альбоме, «весь город был залит огнями. Особенно хорош был вид с набережной Замоскворечья на светозарный Кремль, огненные очертания коего выступали на темном небе во всех архитектурных подробностях... Особенно пронзителен был вид с Каменного моста на Кремль: электрические солнца с башен Кремля пронизывали воздух волшебными лучами, которые передвигались, скрещивались в воздухе; огненные башни, огненные стены, огненный Иван Великий волшебной декорацией выступали перед толпами зрителей, волнами двигавшихся по сиявшим огнями улицам Первопрестольной» [5, с. 144–145]. В журнале особое внимание читателей обращалось на преимущество электрической иллюминации перед газовой, так как электрические лампы не боялись дождя, совершенно не были заметны днем и, следовательно, не искажали красоту архитектуры.

Возможно интерпретировать применение электрического освещения в придворных церемониях, с одной стороны, как развитие традиции театров фейерверков XVIII столетия, где огненный спектакль синтезировал разные виды искусств, а также искусство и технику, а световые объекты были знаками эмблематического языка. В конце XIX в. электричество становится выразителем эмблематического языка символов и аллегорий.

С другой стороны, использование электричества для иллюминации массового праздника – особая форма публичной демонстрации научного опыта-зрелища. С раннего Нового времени экспериментальный метод утверждался в обществе как эффективное зрелище, своего рода спектакль, вызывающий восхищение публики. Зрелищем был сам эксперимент, вне зависимости от его применимости на практике [8]. Вспомним опыт с «лейденской банкой»¹, устроенный в Версале перед Людовиком XV, когда живая цепь из 170 гвардейцев подлетала в воздух, получив мощный

электрический удар. По словам исследователя Патриции Фара, в середине XVIII в. при ганноверском дворе демонстрация электрических опытов заменила танцы. В Англии на ужинах при дворе удивляли публику электрифицированными приборами. Богатые дамы в Англии покупали себе специальные устройства, чтобы одаривать поклонников «электрическими» поцелуями [13, с. 165]. В России в начале XIX в. Александр Петров устраивал публичные опыты с электрической дугой.

Анализируя публичную демонстрацию электричества и электрической иллюминации, необходимо обратиться к риторике «технологического возвышенного» (Лео Маркс). Речь идет об интерпретации классической эстетической категории, связанной с восприятием природных явлений, пробуждающих в человеке чувства восхищения, восторга, благоговения и одновременно страха, ужаса, священного трепета. Американский исследователь Лео Маркс показал, что в течение XIX в. эстетическая категория возвышенного может быть перенесена на технологические объекты [15, 16]. В полной мере можно использовать эту категорию, анализируя восприятие электрического освещения в XIX в. При знакомстве с электрическим светом публика оценивала не утилитарные свойства электричества, а его театрализованную природу и возможность восхищать.

Необходимо обратить внимание на непереносимое иностранное участие во внедрении электричества при дворе. Несмотря на наличие собственных разработок и изобретателей, на создание Электротехнического отдела императорского технического общества в 1878 г., среди целей которого было продвижение отечественной науки, преимущество часто отдавали европейским и американским специалистам и оборудованию.

Подготовка иллюминации коронационных празднеств в Москве и Петербурге, восхитившей русскую и зарубежную прессу и публику, была поручена немецкой фирме «Сименс и Гальске», которая использовала американские лампочки Эдисона. Так что коронационное освещение также было своеобразной рекламной кампанией, во многом предопределившей развитие электрической индустрии в России. После успеха коронационного освещения компании Сименса поручили заняться освещением Зимнего дворца. Позднее, в 1886 г., император позволил Сименсу создать в Петербурге акционерное общество с правом реализации электроэнергии в обеих сто-

лицах и гравировать свою продукцию двуглавым орлом (в 1889 г. Сименс откажется от этой гравировки лампочек для Зимнего дворца, поскольку его обитателям будут чудиться в электрическом свете призрачные тени) [14].

Проведение электрического освещения во дворце носило публичный характер. Организация освещения приурочивалась к праздничным датам, и сначала освещали только парадные помещения – столовую, бальную залу. Только после успешных праздничных мероприятий электрификацию продолжали. Во время рождественского бала 10 января 1885 г. в Зимнем дворце новое освещение впервые продемонстрировали широкой публике. Поскольку все прошло удачно, немедленно начались работы по монтажу проводки в Николаевском зале и Аванзале. Электричество показали уже на балах 17, 27 и 31 января. Журналисты и гости бала называли электрическое освещение сказочным, фантастическим зрелищем. Источник света был скрыт от глаз, «электрическое освещение своим ослепительным блеском производило поразительный эффект. Лампочки были искусно спрятаны в зелени деревьев и солнечным сиянием озаряли верхушки широколиственных пальм, придавая общей картине поистине сказочную прелесть» [10].

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев, описывая эрмитажный бал 12 февраля 1887 г., упоминал, что «новое освещение эдиссоновскими лампочками ослепительно и хорошо тем, что не греет» [11, с. 550]. Тогда же электричество стало появляться в частных домах и долго было сенсацией для публики, в моду вошли «электрические балы», куда гостей специально приглашали полюбоваться новинкой. Эти мероприятия создавали у участников множество сильных ощущений – дамы вспоминали, как плохо выглядел их макияж, не приспособленный для нового освещения. Только хозяйка дома оказывалась хороша и оставалась очень довольна своим вечером [4]. У мужчин на «электрическом балу» были свои впечатления. «Когда в 1888 году известный миллионер Дервиз завел у себя дома электричество, – вспоминал В. А. Нелидов, – то развлечением для его гостей было зажигать свет. Входили в темную залу, хозяин дома поворачивал кнопку. Все восхищались и удивлялись» [7, с. 9].

Со времен царствования Александра II электрическая иллюминация применялась в Петергофе для декорирования торжеств. Приемы, парадные обеды, балы, маскарады в Большом дворце, театральные представления, массовые

гулянья «по иллюминации» – устойчивая традиция императорского Петергофа. Ирина Олеговна Пашинская в своей статье анализировала особые иллюминационные эффекты во время праздника по случаю визита Вильгельма II к Николаю II. К прибытию российского и германского императоров загорелся громадный электрический орел, расположенный на Ольгином острове против Правленской улицы, у пристани, у которой встал гребной катер в ожидании государя. В тот момент, когда император вступил на борт катера, темный до тех пор Царицын павильон моментально осветился более чем тремя тысячами белых и красных электрических ламп [9].

В июле 1887 г. началась электрификация Петергофского дворца. Как и в случае с Зимним, электрический свет проник во дворец через театральные подмостки и праздничные декорации.

Стоит отметить, что электрификация дворцов проходила по схожей модели в Германии, Великобритании, Франции. К примеру, в Букингемском дворце сначала организовали электрический свет для балов 1883 и 1884 гг. в столовой и бальном зале, после чего свет постепенно распространился в другие помещения [18, с. 83]. Электричеством также осветили помещения дворца во время праздничных торжеств по случаю золотого юбилея королевы Виктории.

И электричество оказалось включено в эмблематическую программу празднования. К этому празднику была выпущена праздничная медаль. Ее официальное описание гласит: «В центре сидящая на троне фигура, представляющая Британскую Империю, за ее спиной – море. Одна рука ее лежит на мече правосудия, а в другой она держит символ победоносного правления. С каждой стороны трона сидят львы. У ног центральной фигуры лежит Меркурий, покровитель торговли, главная опора нашей имперской мощи. В руке его чаша, наполненная золотом. Напротив него сидит Гений электричества и пара» [17].

Однако, хотя Англия и была символом промышленной революции, а электричество – частью официальной эмблемы, королева Виктория не спешила пустить электрическое освещение во дворец. Современники отмечали, что королеву было трудно уговорить на газовое освещение, а электрического она и вовсе не терпела. Свечи все равно оставались излюбленным источником света, поскольку этот старомодный вариант казался ей более уютным. Королева даже говорила, что не позволит установить электрическое освещение во дворце, хотя и сдалась в 1890-х гг. [17].

Похожим образом в российских дворцах до самого конца XIX в. и даже в начале XX столетия электричество как будто являлось демаркационной линией, разделяющей приватные и публичные пространства. Вплоть до 1917 г. во дворцах, наряду с электрическим освещением, в личных покоях и кабинетах использовались свечи, керосиновые лампы. В коронационном альбоме 1896 г. есть запись о том, что «ввиду повсеместного распространения электрического освещения нельзя было оставить кремлевские дворцы на стеариновых свечах и масляных лампах. Пришлось устроить громадную электрическую станцию и по всему Кремлю проложить проводы, что вызвало большие работы и большие затраты» [5, с. 176].

Восхищение, окружавшее новую технологию, около 1910-х сменилось противоположной эмоциональной реакцией. Электричество обрело ореол культурных коннотаций, связанных с категориями отчуждения, обезличивания, неуловимой утраты уюта и очарования. Электрический свет перестал восприниматься как волшебная новинка, стал казаться некрасивым и неприятным.

Анализ мемуарных текстов членов царской семьи и приближенных, а также периодики предлагает множество заметок на эту тему. Граф Шереметев, описывая новую, изменившуюся Москву в конце XIX в., сожалеет о потере самобытности, особой привлекательности, поскольку Москве на «новой европейской волне» пришел конец: «Быть может, и лучше и безопаснее стали, например, вновь построенные ряды, заменившие аракеевскую постройку александровских времен против памятника Минина и Пожарского в виде римлян; жалеть о ней, конечно, не стану, но не скрою, что исчезновение рядов, этих темных и кривых закоулков с лавочками, с залежавшимся товаром, со старьевщиками, сбитеньщиками, менялами – ничего не прибавило к живописной и самобытной стороне Москвы. Эти таинственные уголки, где вы находили тогда драгоценные остатки прежнего величия – старинное серебро, ткани, монеты, оружие, иконы древнего письма и древнего благочестия, – все это имело свою особую прелесть, свою поэзию. Электрическое освещение и телефоны не дадут вам ничего взамен, и одной “техники” недостаточно» [6, с. 196].

Александр Бенуа так вспоминал праздничную иллюминацию в Петергофе: «Небо казалось черным по контрасту с фантастическим светом от сотен тысяч огней, которыми был залит весь

парк. И этот свет от шкаликов был не нынешний резкий, неподвижный, мертвый свет электричества, а весь он трепетал и жил, дымчатый же чад, шедший от горевшего сала, образовывал род сияния вокруг пылающих уборов. Стеклообразные шкалики были разных цветов, и пестрое их сверкание сообщало особую сказочность садовым перспективам. Я бы сказал, что даже смрадный, шедший от тогдашних иллюминаций дух был каким-то необходимым элементом праздничности – таким же необходимым и желательным, как сладковатый запах бенгальских огней, как гул толпы, ровный топот лошадей...» [3, с. 280].

Литературные изображения электричества также показывают недоверие и отрицание. Персонажи Чехова называют электричество жульничеством (А. П. Чехов, «Свадьба»), у А. И. Куприна электрические шары сопровождаются эпитетами «мертвенный» и «бледный» («Яма»), у А. Грина электрический свет назван вялым, безжизненным и бледным («Жизнь Гнора»).

Таким образом, появление электрического освещения – это не только история техники и технологии, не только история технического прогресса. Это еще и история дворцов и придворной культуры. Конец XIX – начало XX в. – переходный период для утверждения электрического света в качестве повседневного бытового удобства. В это время электрическое освещение – скорее символический объект, ассоциирующийся с благосостоянием, мощью и прогрессом, но в то же время не освобожденный от предрассудков и романтических переживаний.

Библиографический список

1. Белькинд, Л. Д. Александр Ильич Шпаковский [Текст] / Л. Д. Белькинд. – М., : Л.: Изд-во и тип. Госэнергоиздата в М., 1949. – 110 с.
2. Белькинд, Л. Д. Павел Николаевич Яблочков [Текст] / , Л. Д. Белькинд. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 269 с.
3. Бенуа, А. Н. Мои воспоминания [Текст] : в 5 книгах / А. Н. Бенуа. – М.: Наука, 1990. – Т. 2. – 711 с.
4. Бокова, В. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке [Текст] / В. Бокова. – М.: Молодая Гвардия, 2010. – 544 с.
5. Коронационный сборник [Текст] / под ред. В. С. Кривенко. – М.: Терра, 2003. – Т. 1. – 415 с.
6. Мемуары графа С. Д. Шереметева [Текст] : в 2 т. / сост. К. А. Ваха и Л. И. Шохина. – М.: Индрик, 2005. – Т. 2. – 560 с.

7. Нелидов, В. А. Театральная Москва. Сорок лет московских театров [Текст] / В. А. Нелидов. – М.: Материк, 2002. – 376 с.

8. Никифорова, Л. В. Ледяной в описании современника как эпизод истории науки [Текст] / Л. В. Никифорова // История науки и техники. – 2006. – № 5. – С. 38–46.

9. Пашинская, И. О. Петергофские праздники на островах (вторая половина XIX века) [Текст] / И. О. Пашинская // История Петербурга. – 2007. – № 4. – С. 72–83.

10. Хроника. Второй концертный бал в Зимнем дворце [Текст] // Санкт-Петербургские Ведомости, 1885. – № 29. – С. 2.

11. Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева [Текст] / сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина. – М.: Индрик, 2001. – 735 с.

12. Электрическая иллюминация колокольни Ивана Великого в дни коронационных торжеств [Текст] // Электричество. – 1883. – № 21/22. – С. 228–232.

13. Fara P. Science. A 4 thousand year history. Oxford University Press, 2009, 408 p.

14. Kirchner W. Siemens and AEG and the Electrification of Russia, 1890–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge. 1892. Bd. 30, Hf. 3. S. 399–428.

15. Marx L. The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America (New York: Oxford UP, 1964) – 392 p.

16. Nye. D. E. American Technological Sublime (The MIT Press), 1998. – 362 p.

17. Pearce B. L. Queen Victoria's Golden Jubilee 1887 // Journal of the Royal Society of Arts. 1987. Vol. 135, № 5372. July (JULY 1987), pp. 573–597.

18. Tunbridge P. Lord Kelvin: his influence on electrical measurements and units. London: Peter Peregrinus, 1992. – 102 p.

Bibliograficheski spisek

1. Bel'kind, L. D. Aleksandr Il'ich Shpakovskij [Tekst] / L. D. Bel'kind. – M., : L.: Izd-vo i tip. Gosjenergoizdata v M., 1949. – 110 s.
2. Bel'kind, L. D. Pavel Nikolaevich Jablochkov [Tekst] / , L. D. Bel'kind. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. – 269 s.
3. Benua, A. N. Moi vospominanija [Tekst] : v 5 knigah / A. N. Benua. – M.: Nauka, 1990. – Т. 2. – 711 s.

4. Bokova, V. Povsednevnaia zhizn' Moskvy v XIX veke [Tekst] / V. Bokova. – M.: Molodaja Gvardija, 2010. – 544 s.

5. Koronacionnyj sbornik [Tekst] / pod red. V. S. Krivenko. – M.: Terra, 2003. – T. 1. – 415 s.

6. Memuary grafa S. D. Sheremeteva [Tekst] : v 2 t. / sost. K. A. Vaha i L. I. Shohina. – M.: Indrik, 2005. – T. 2. – 560 s.

7. Nelidov, V. A. Teatral'naja Moskva. Sorok let moskovskih teatrov [Tekst] / V. A. Nelidov. – M.: Materik, 2002. – 376 s.

8. Nikiforova, L. V. Ledjanoy v opisaniu sovremennika kak jepizod istorii nauki [Tekst] / L. V. Nikiforova // Istorija nauki i tehniki. – 2006. – № 5. – S. 38–46.

9. Pashhinskaja, I. O. Petergofskie prazdniki na ostrovah (vtoraja polovina XIX veka) [Tekst] / I. O. Pashhinskaja // Istorija Peterburga. – 2007. – № 4. – S. 72–83.

10. Hronika. Vtoroj koncertnyj bal v Zimmem dvorce [Tekst] // Sankt-Peterburgskie Vedomosti, 1885. – № 29. – S. 2.

11. Sheremetev S. D. Memuary grafa S. D. Sheremeteva [Tekst] / sost., podgot. teksta i primech. L. I. Shohina. – M.: Indrik, 2001. – 735 s.

12. Jelektricheskaja illjuminacija kolokol'ni Ivana Velikogo v dni koronacionnyh torzhestv [Tekst] // Jelektrichestvo. – 1883. – № 21/22. – S. 228–232.

13. Fara P. Science. A 4 thousand year history. Oxford University Press, 2009, 408 p.

14. Kirchner W. Siemens and AEG and the Electrification of Russia, 1890–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge. 1892. Bd. 30, Hf. 3. S. 399–428.

15. Marx L. The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America (New York: Oxford UP, 1964) – 392 p.

16. Nye. D. E. American Technological Sublime (The MIT Press), 1998. – 362 p.

17. Pearce B. L. Queen Victoria's Golden Jubilee 1887 // Journal of the Royal Society of Arts. 1987. Vol. 135, № 5372. July (JULY 1987), pp. 573–597.

18. Tunbridge P. Lord Kelvin: his influence on electrical measurements and units. London: Peter Peregrinus, 1992. – 102 p.

---

¹ Лейденская банка – первый электрический конденсатор, изобретенный голландским ученым Питером ван Мушенбруком и его учеником Кюнеусом в 1745 г. в Лейдене.